

порций, приводящих к периодическим кризисам перепроизводства. Наиболее эффективным методом такой нивелировки является ориентация на производство технологий, а не товара.

Литература

1. Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков ; отв. ред. Б. М. Ишмуратов ; Ин-т географии СО РАН. – Новосибирск : Гео, 2008
2. Дугин А. Энергетическая геополитика // Геополитика. – 2011. – № 3.
3. Тузмухаммедов Р. Движение неприсоединения и международное право / Р. Тузмухаммедов. – М. : Наука, 1989.

ХОМЕНКО Д. Ю.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Российская империя во второй половине XIX – начале XX в. оставалась аграрной страной, несмотря на проходившие процессы капиталистической модернизации. Территория Сибири и Енисейской губернии, в частности, не были исключением. Потому вопросы землеустройства имели для местного населения первостепенное значение. Аграрная политика изучалась и современниками, и советской исторической наукой, и представляет интерес для современных исследователей.

Из современников особенно следует выделить исследования старшего начальника землеустроительных работ в Енисейской губернии В. Ю. Григорьева и заведующего минусинской поземельно-устроительной партией Н. Н. Козьмина. Оба автора положительно оценивали государственную землеустроительную политику, а Н. Н. Козьмин даже отмечал, что аграрная политика царского правительства в Сибири «не находится в противоречии с социалистической аграрной программой» [5, с. 10].

В советской исторической науке преобладало мнение о том, что аграрная политика царизма строилась в интересах богатых, эксплуататорских слоев населения.

Важной чертой аграрной политики в Сибири было отсутствие частной собственности на землю. Вся земля считалась собственностью казны. Малочисленные помещичьи имения практически не имели значения. Во второй половине XIX в. правительство предпринимало попытки создать дворянское землевладение в Сибири, однако меры были крайне не решительные и половин-

чатые. Так, на территории Енисейской губернии создавались казенно-оброчные статьи, которые предполагалось после утверждения закона о дворянском землевладении передавать желающим дворянам [7, с. 124]. Однако закон появился только в 1901 г., а до этого времени казна извлекала выгоду из данных участков, сдавая их в аренду. С появлением закона о частной собственности на землю в Сибири дворянское землевладение не начало развиваться. Предназначенные для дворян казенно-оброчные статьи стали настоль доходными для казны, что отдавать их дворянам означало бы потерять большие доходы [7, с. 133]. С другой стороны, казенно-оброчные статьи и запасные участки образовывались не на самой лучшей территории. Так, 37,1 % территории отмежеванных к 1905 г. запасных участков были покрыты лесом [1, с. 157]. Для организации хозяйства на таких территориях были необходимы большие средства.

До 1890-х гг. землеустройства в Сибири не существовало. Местное население владело землей на основании захватного права. Различают две формы захватного владения землей: заимочно-захватное и захватно-общинное. При первом варианте крестьянин имел право пользоваться тем количеством земли, которое «соответствовало его хозяйственным силам» [3, с. 34]. Во второй половине XIX в. захватно-общинный тип становится основным в Сибири. Для него характерно существование общины и ее влияние на поземельные отношения. Следует отметить, что сибирская община была слабее среднерусской, и переделы земли производились в очень небольших масштабах.

Коренное население владело землей на основании Устава об управлении сибирских инородцев 1822 г. В соответствии с ним, хакасское население было в большинстве отнесено к кочевым инородцам. Несмотря на то, что Устав закреплял за кочевыми инородцами их исконные территории, на них постоянно претендовали как соседние крестьяне, так и казна. Хотя среди хакасов существовало убеждение, что земли, на которых они проживали, были им дарованы и что даже существовали документы, подтверждающие это, тем не менее, предъявить такие документы хакасы не могли [2, с. 100].

Возникавшие конфликты администрация старалась разрешать полюбовно. Так, в 1874 г., во время «приведения в известность инородческих земель улуса Косонгольского ведомства Кизильской Степной Думы» возник спор между жителями этого улуса и крестьянами соседней деревни Шушенской. Землемер

приложил все усилия к тому, чтобы конфликт был решен через полюбовное соглашение, каковое и было заключено [Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 19. Д. 199. Л. 1–2].

В конце XIX в. правительство озаботилось вопросом необходимости размежевания земель на территории Сибири. Это было связано с тем, что во второй половине XIX в. возрастал поток переселенцев в Сибирь, необходимость их водворения сталкивалась с отсутствием у чиновников четкого представления о том, какие территории уже были занятыми, а какие – свободными.

23 мая 1896 г. был принят закон о землеустройстве в четырех сибирских губерниях: Томской, Тобольской, Енисейской и Иркутской. Это был первый законодательный акт, который был призван урегулировать поземельные отношения. В соответствии с ним казенная земля передавалась в бессрочное пользование сельским обществам. За это право пользования крестьяне обязаны были отрабатывать прежние повинности. Таким образом, в сфере землевладения новый закон не изменил существовавшую до него ситуацию. Однако он ввел нормы земельного надела для крестьян и «иностранцев»: 15 десятин земли и 3 десятины леса на душу мужского пола [7, с. 121].

Закон указывал, что 15-десятинная норма не является однозначной, что при необходимости землеустроительные чины могли как увеличить ее, так и уменьшить. Основной идеей закона было размежевание земель на основании фактического землепользования [5, с. 5–6].

Процесс землеустройства проходил относительно медленно. Отвечая на обвинения в замедленности работ, В. Ю. Григорьев в 1906 г. указывал следующие причины: большая площадь земель, подлежащих размежеванию, малочисленность сотрудников, продолжавшееся переселение: в результате прибытия новых крестьян фактическое землепользование менялось постоянно [ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 28. Л. 4]. Тем не менее, к 1905–06 гг. в основном было завершено землеустройство в Красноярском уезде, наполовину – в Минусинском [Там же, л. 5].

Непростая ситуация сложилась вокруг землепользования у кочевых коренных народов Енисейской губернии, в частности у хакасов. В начале 1890-х гг. земледелием занимались 52 % хозяйств [4, с. 308]. При этом хозяйство с запашкой более 15 десятин в Абаканском ведомстве было всего одно, а в Аскизском – 70. Средних по размерам хозяйств (запашка от 5 до 15 десятин) было 12,7 % и 42,4 % соответственно (от числа земледельческих хо-

заяств), мелких же в Абаканском было 86,8 %, в Аскизском – 53,4 % [1, с. 79]. Таким образом, можно заметить, что в целом для хакасов в начале 1890-х гг. земледелие еще не стало основным занятием и только дополняло скотоводческое хозяйство, так как запашки менее 15 десятин явно недостаточно для того, чтобы говорить о земледелии как об основном занятии.

На земли инородцев периодически претендовала казна. Так, в начале XX в. лесное ведомство пришло к выводу о необходимости запретить инородцам торговать лесами, расположенными на их территории. Весьма вольно истолковав положения «Устава» 1822 г., лесное ведомство решило, что оно вправе распоряжаться лесами «инородцев». Утверждая, что хакасы сами не в состоянии грамотно распорядиться лесными массивами, лесное ведомство само стало распродавать лесные угодья [ГАКК. Ф. 217. Оп. 2. Д. 22. Л. 2].

Кроме казны, на земли «инородцев» претендовали и их соседи – русские крестьяне. Как правило, отчуждение инородческих территорий было незначительным, однако крестьяне претендовали на лучшие по качеству земли – либо пашни либо сенокосные угодья. И тех и других земель было очень мало, поэтому они представляли особую ценность для хакасов. Так, в 1901 г. у нескольких улусов Сагайской управы были отобраны 4 сенокосных угодья [2, с. 107].

Таковые факты требовали, по мнению В. Ю. Григорьева, скорейшего закрепления за «инородцами» их земель, т. е. проведения землеустройства. С другой стороны, решающее значение скотоводства не позволяло провести размежевание на общих основаниях, так как надел в 15 десятин, несомненно, привел бы к гибели скотоводческого хозяйства [2, с. 118]. В 1907 г. землеустройство было передано в Переселенческое управление.

Это вызвало законные опасения, что землеустроительная деятельность не будет проводиться в пользу старожилов. «Это управление... существующее для урегулирования переселений, уже по этому самому не может не служить по преимуществу переселенческому делу» [ГАКК. Ф. 217. Оп. 12. Д. 33. Л. 5].

Необходимость мобилизации большого количества земли под нужды переселений в начале XX в. была обусловлена столыпинской аграрной реформой, которая увеличила число переселенцев. Поэтому было необходимо изыскивать новые территории для их водворения. В 1909–1910 гг. Н. Н. Козьминым и М. С. Богдановым было проведено исследование хакасских хо-

зьяйств с целью определения нормы надела для размежевания земель и выявления «излишек».

Исследование показало, что процент хозяйств, имеющих запашку, вырос незначительно [6, с. 28]. Что же касается распределения хозяйств по количеству пахотной земли, то крупных хозяйств (более 15 десятин) в Абаканской управе не было, а в Аскизской – 2,5 % от всех, имеющих запашку; средних хозяйств (5–15 десятин) – 12,3 % и 35 % соответственно; мелких (менее 5 десятин) – 87,7 % и 62,5 % соответственно [6, с. 29]. Соответственно, земледелие как было, так и осталось вспомогательной отраслью хакасского хозяйства. Что касается скотоводства, то здесь наблюдается количественное увеличение численности голов скота, в среднем в 1,8 раз [6, с. 24]. Результатом обследования стало утверждение нормы надела для хакасов Абаканской управы – в 61,3 десятины на душу мужского пола, а для Аскизской – 31,3 десятины. В реальности же средний надел для Аскизской управы составил 18–20 десятин, для Абаканской – 30–35 десятин [6, с. 23]. Следует отметить, что землеустройство хакасов проходило параллельно с административной реформой, по которой, во-первых, все «инородцы» Ачинского и Минусинского округов переводились в разряд оседлых, во-вторых, управы преобразовывались в волости [8, с. 245]. Учитывая, что нормы наделов были значительно ниже фактического землепользования, огромные территории в 518 тыс. десятин были отрезаны как излишки и поступили в казну только у хакасов Минусинского уезда [5, с. 12].

Таким образом, землеустроительная политика в Енисейской губернии пережила несколько этапов. Первый – до 1890-х гг. В этот период не существовало каких-либо законодательных актов, регулировавших землепользование в Сибири. Основой было захватное право. Второй – 1890–1907 гг. – период, когда правительство утвердило законодательно землеустройство. Третий период – с 1907 г., в этот период под влиянием потребностей возросшего потока переселенцев правительство активно проводило экспроприации земель, в том числе у коренного населения.

Литература

1. Головачев Д. Частное землевладение в Сибири // Сиб. вопр. – 1905. – № 1. С. 122–170.
2. Григорьев В. Ю. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края / В. Ю. Григорьев. – СПб. : Типогр. М. Стасюлевича, 1906. – 133 с.
3. История Сибири. – 1968. – Т. 3. – 530 с.
4. История Хакасии. – М. : Наука, 1993. – 525 с.

5. Козьмин Н. Н. Земельный вопрос в Енисейской губернии / Н. Н. Козьмин. – Красноярск : Изд. Краснояр. комитета партии социалистов-революционеров, 1917. – 24 с.

6. Козьмин Н. Н. Материалы для определения норм скотоводческого хозяйства в Минусинском крае / Н. Н. Козьмин. – Красноярск, 1918. – 44 с.

7. Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в период капитализма / В. А. Степынин. – Красноярск : изд. КГПИ, 1962. – 561 с.

8. Шерстова Л. И. Тюрки и русские Южной Сибири / Л. И. Шерстова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.

ШЕРИН Е. А.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Современный промышленный комплекс Кемеровской области сформировался в относительно короткий промежуток времени (главным образом в течение XX в.) в результате выполнения мероприятий, направленных на скорейшее решение крупных общегосударственных задач. Его ускоренному развитию и углепромышленной специализации способствовали, прежде всего, колоссальные запасы угля и их благоприятное территориальное сочетание с другими природными ресурсами: минеральными (прежде всего железорудными), водными, земельными и лесными. Общегеологические запасы углей Кузнецкого бассейна, почти целиком расположенного в Кемеровской области, до глубины 1600 м оценены более чем в 700 млрд т, из них пригодных для коксования – 270 млрд т [7].

Вслед за Б. М. Ишмуратовым (2003) мы считаем, что выделение исторических этапов должно определяться определенными экономическими «вехами», например, ввод Транссибирской железнодорожной магистрали в эксплуатацию, начало формирования Урало-Кузнецкой угольно-металлургической базы страны и т. д. Такой подход позволил нам выделить 5 вех в историческом процессе формирования угольной промышленности области.

История угольной промышленности Кузбасса насчитывает почти 3 столетия. В 1721 г. рудознатец Михайло Волков обнаружил на правом берегу реки Томь выход на поверхность каменноугольных пород – горелую гору. Это можно считать *первой* вехой развития угольной промышленности Кузбасса. В 1842 г. геолог П. А. Чихачев оценил запасы угля Кузнецкой котловины и ввел термин «Кузнецкий бассейн». Первые попытки добычи каменно-